

УДК 81'42

Татьяна Николаевна Савчук*д-р филол. наук, доц., проф. каф. прикладной лингвистики
Белорусского государственного университета***Tatiana Savtchouk***Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Applied Linguistics
of the Belarusian State University*e-mail: savtchouktn@bsu.by**ЭКСПЕРТНЫЕ ЗНАНИЯ В ГУМАНИТАРНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ:
ЛИНГВОАРГУМЕНТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Выявляется специфика использования экспертных знаний – специальных данных, относящихся к общему интеллектуальному фонду коммуницирующих субъектов – в дискурсе гуманитарных наук. Демонстрируется продуктивность лингвоаргументологического подхода, обеспечивающего многоаспектность анализа, в частности совмещение дескриптивного и нормативного измерений в рамках конвергентной теории. На материале русско- и белорусскоязычных научных статей определяется внутренняя структура экспертных знаний, их аргументативный потенциал, систематизируются приемы их вербализации. Для идентификации экспертных сведений в гуманитарных текстах предлагается учитывать языковую маркировку, метаграфические средства, экстралингвистический контекст. Эксплицируются критерии оценки научной аргументации, содержащей экспертные данные: достоверность, высокая степень вероятности присутствия в когнитивном поле реципиента, релевантность, адекватная вербальная маркировка. Анализируются аргументативные погрешности, возникающие при нарушении указанных требований. Отмечается, что при компетентном подходе обращение к экспертным знаниям в гуманитарном дискурсе служит эффективным тактическим приемом, способствующим рациональному сближению с адресатом и, как следствие, убедительности аргументации.

Ключевые слова: лингвоаргументология, конвергентная теория аргументации, экспертные знания, аргументативный вербализатор, тактика сближения с адресатом, лингвистическая прагматика, гуманитарный научный дискурс.

**Expert Knowledge in the Humanitarian Scientific Discourse:
Linguistic-Argumentological Dimension**

The specificity of the use of expert knowledge – special data related to the general intellectual fund of communicating subjects – in the discourse of the humanities is revealed. The productivity of the linguistic-argumentological approach is demonstrated, which provides a multidimensional analysis, in particular, a combination of descriptive and normative measurements within the convergent theory. Based on the material of Russian- and Belarusian-language scientific articles, the internal structure of expert knowledge, their argumentative potential are determined, the methods of their verbalization are systematized. To identify expert information in humanitarian texts, it is proposed to take into account language marking, metagraphic means, and extralinguistic context. Criteria for evaluating scientific argumentation containing expert data are explicated: reliability, a high degree of probability of being present in the cognitive field of the recipient, relevance, adequate verbal marking. Argumentative fallacies that arise when these requirements are violated are analyzed. It is noted that with a competent approach, the appeal to expert knowledge in the humanities is an effective tactic that contributes to rational rapprochement with the addressee and, as a result, to the persuasiveness of the argumentation.

Key words: linguistic argumentology, convergent argumentation theory, expert knowledge, argumentative verbalizer, tactics of rapprochement with the addressee, linguistic pragmatics, humanitarian scientific discourse.

Введение

Конвенциональным способом осуществления научной деятельности выступает аргументация – когнитивно-речевая процедура, нацеленная на убеждение адресата в достоверности некоторого положения (тезиса), защищаемого проponentом.

Успех аргументации в значительной степени зависит от того, насколько аргументирующему субъекту удастся «сблизиться» с адресатом, сформировать когнитивную основу для взаимопонимания. С этой целью в аргументативный дискурс вовлекаются пресуппозиционные сведения, общие для коммуницирующих сторон. Характер

таких сведений имеет стратегическую мотивированность и соотносится с моделью адресата.

В научном дискурсе аргументатор ориентируется на такие свойства реципиента, как высокий уровень рациональности, общенаучную эрудицию, профессиональную компетентность, критичность. Исходя из этого в аргументирующее рассуждение вводятся экспертные знания (далее – ЭЗ) – «специальные данные, составляющие часть тезауруса (общего интеллектуального фонда) ученых-исследователей – аргументатора и реципиента» [1, с. 165]. Учитывая, что аргументация по-разному проявляется в различных типах дискурса, естественно прогнозировать своеобразие применения экспертных сведений в гуманитарном дискурсе, обладающем «специфической научностью» [2, с. 77–80; 96–102; 113–116; 427–432; 3, с. 18]. Этот фактор предопределяет *цель* данной статьи – выявить особенности использования ЭЗ в научно-гуманитарной аргументативной практике. Конкретизация поставленной цели имеет теоретические предпосылки.

Методологические основания исследования

Проблема включения ЭЗ в научно-гуманитарную коммуникацию до настоящего времени не подвергалась систематическому изучению. В той или иной степени связанные с ней вопросы периодически оказываются в поле зрения как теоретиков аргументации, так и представителей иных интеллектуальных направлений.

В когнитивных (в частности логико-философских) исследованиях, где аргументация выступает как форма мышления и способ взаимодействия сознаний, ЭЗ рассматриваются в связи с понятиями «мысленного поля» [4] и «аргументационного поля» [5]. Как отмечает С. Г. Оганесян, «человек принимает передаваемое ему сообщение, если оно вписывается в имеющуюся у него более общую систему понятий и представлений», называемую «мысленным полем» [4, с. 18–19]. Область пересечения «мысленных полей» аргументатора и реципиента, состоящую из сходных либо идентичных для них знаний, мнений, идей, представлений, оценок, А. П. Алексеев обозначает термином «аргументационное по-

ле» [5, с. 7]. В структуру мысленного и аргументационного полей необходимо входят ЭЗ [1, с. 160].

В риторико-прагматическом измерении проблема вовлечения ЭЗ в аргументацию затрагивается в контексте эффективности речевого взаимодействия, успешности реализации иллокутивной цели убеждения. В традиционной риторике [6; 7] и в риторико-ориентированных аргументологических исследованиях [8] апелляция к экспертному знанию/мнению квалифицируется как «довод к авторитету». В теории аргументации этот прием упоминается при рассмотрении топосов [9] и аргументативных схем [10].

Работы коммуникативно-прагматической направленности касаются включения в дискурс экспертных данных в связи с анализом категории интертекстуальности [11], описанием манипулятивных языковых механизмов [12; 13], характеристикой тактико-стратегических ресурсов аргументации [14; 15].

Лингвистический анализ высказываний, содержащих экспертную информацию, производится в стилистике научной речи. Основываясь на концепции взаимодействия (чередования) «старого и нового знания» в научном тексте/дискурсе, ученые, представляющие это направление, сосредоточивают внимание на вербальных структурах, представляющих «старое и новое знание» [16–20].

Каждый из подходов, представленный в кратком аналитическом обзоре, высвечивая ту или иную сторону проблемы использования ЭЗ в аргументативной коммуникации, вносит определенный вклад в решение данной проблемы. Однако этот вклад не является достаточным для целостной ее разработки. При моноаспектном анализе остаются без внимания такие важные вопросы, как специфика и структура ЭЗ, их место в когнитивном пространстве взаимодействующих субъектов, аргументативный потенциал в научной гуманитарной коммуникации, способы языкового представления и распознавания, приемы описания и критерии оценки. Все эти вопросы коррелируют с *задачами* данного исследования. Для их решения применяется особый – лингвоаргументологический – инструментарий. Его возможности демонстрируются, в частности, конвергентной теорией аргументации, в рамках которой апелляция к ЭЗ рассмат-

ривается среди тактических средств аргументирования [1, с. 165–171]. Необходимость развития концепции, расширение эмпирической базы исследования стимулировало укрупнение обозначенного исследовательского объекта и продолжение научной рефлексии.

В качестве источника фактического **материала** использованы русско- и белорусскоязычные статьи, опубликованные в 2001–2021 гг. в рецензируемых научных журналах гуманитарного профиля. Привлечение к анализу двуязычного корпуса данных позволяет увеличить сферу действия используемой концепции.

Дескриптивно-нормативный характер конвергентной теории обуславливает применение соответствующих **методов**: описания, контекстуального, функционального и пропозиционального анализа, синонимических преобразований и реконструкции.

Специфика экспертных знаний, их внутренняя дифференциация и аргументативный потенциал

Приведенное во вводной части определение ЭЗ фиксирует родовой признак данного понятия – принадлежность к общему фонду знаний (наряду с фоновой информацией), а также его отличительные характеристики – отнесенность к сфере профессиональной (научной) деятельности коммуницирующих субъектов и верифицированность. Эти специфические свойства позволяют отделить знания экспертные от фоновых, связанных с обыденной, социальной и культурно-исторической практикой [1, с. 168].

Когнитивная модель введения ЭЗ в аргументативный дискурс в общем виде выглядит таким образом: *Все S знают, что P*, где *S* – субъект (носитель) знания; *P* – пропозиция, содержащая верифицированную информацию. Подстановка вместо переменных конкретных значений обеспечивает многообразие вариантов содержательного наполнения формулы.

Необходимо учитывать, что элементы *S* и *P* неоднородны. Иерархию носителей ЭЗ образуют:

- 1) ученые-гуманитарии,
- 2) специалисты в определенной предметной области,

- 3) исследователи, занимающиеся изучением конкретной (узкой) темы.

Общая информация включает знание:

- 1) достоверных фактов, общепринятых конвенций и законов,
- 2) мнений и оценок, высказанных авторитетными лицами.

Понимание сущности и структуры ЭЗ дает возможность выявить прагматические варианты их применения в научно-гуманитарной аргументации. Речь идет о двух значениях ЭЗ: собственно аргументативном и квазиаргументативном. В первом случае ЭЗ выступают в роли довода регулятивной схемы обоснования и выполняют доказательную функцию [10]. Во втором случае ЭЗ находятся за пределами аргументативной конструкции, играют вспомогательную роль, служат ресурсом аргументации, поддерживая, усиливая убеждающее воздействие, реализуя эффект «подмигивающей коммуникации» [15, р. 112], способствуя «рациональному сближению с адресатом» [1, с. 160]. Заметим, что в фокусе данной статьи – второе из описанных значений ЭЗ.

В целом прагматический потенциал обращения ученого-аргументатора к ЭЗ связан с возможностью придать аргументам аксиоматичный характер (то, что общепризнанно, априори достоверно; знание, в отличие от мнения, не нуждается в обосновании) и, кроме того, сэкономить речевые усилия (а в письменном дискурсе – и текстовое пространство), поскольку нет необходимости объяснять и доказывать известное, убеждать в очевидном.

Внутреннее структурирование и прагматика ЭЗ влияют на форму их языковой манифестации в научной коммуникативной практике.

Способы вербализации экспертного знания в письменном научном дискурсе

Апелляция к ЭЗ в гуманитарных научных текстах имеет устойчивую вербальную маркировку. В роли вербализаторов выступают разнородные языковые структуры, распределяемые по пяти группам.

1. Конструкции с семантикой ментального состояния знания: рус. *Как известно; Известно, что; Общеизвестный факт, что; Стало общим местом*; бел. *Як вядома; Вядома, што; Агульнавядома, што; Становіцца агульным месцам* и др.:

1) **Как известно**, воздействие текста на адресата в вербальных формах коммуникации осуществляется посредством отбора и употребления разноуровневых языковых единиц (ВТГУ1, с. 64);

2) **Агульнавядома, што** духоўная культура... вырашальным чынам уплывае на стан і развіццё ўзаемаадносін у грамадстве (ВНВНБ4, с. 79).

2. Языковые формулы, апеллирующие к научному узусу, традиции (как правило, безличные структуры с соответствующими лексическими маркерами): рус. *Традиционно считается (рассматривается); Принято считать (называть, рассматривать); К этой группе принято относить; В настоящее время под... обычно понимают;* бел. *Даўно заўважана, што; Прынята лічыць, што; ...звычайна разглядаюць (разглядаецца) як; Традыцыйна... падзяляецца на... и т. п.:*

3) **Считается, что** обязательной процедурой при расследовании случаев насилия над детьми должно быть специализированное интервью с ребенком (НПЖ1, с. 47);

4) **Прынята лічыць, што** метафора – эліптычная форма параўнання (БЛ, с. 30).

3. Интенсифицирующие выражения со значением очевидности, достоверности факта (знания): рус. *Естественно (ясно, понятно), что; (Совершенно) очевидно, что; Не вызывает (никаких) сомнений, что; Стоит ли говорить, что; Излишне говорить, что...;* бел. *Відавочна, што; (Зусім) зразумела, што; Не падлягае сумненню, што; Нязменным з'яўляецца той факт, што; Ніхто не будзе аспрэчваць, што и др.:*

5) В качестве компонентов инструментальной культуры, **безусловно**, выступают человек, музыкальные инструменты и музыка... (НИК2, с. 59);

6) **Сёння ўжо не выклікае сумнення** асобая, адмысловая роля дзеяслова ў мастацкім тэксе, а таксама ў працэсах яго параджэння і ўспрымання (БЛ, с. 25).

4. Речевые клише, содержащие указание на сферу научной деятельности и, соответственно, область приложения ЭЗ, апеллирующие к обобщенному анонимному источнику «авторитетного мнения»: рус. *В современной психологии достоверно установлено, что...; Современные исследователи культуры сформулировали...; И теоретики, и практики PR-коммуникации знают...;*

Классическая теория аргументации указывает на то, что...; Настоящие профессионалы в области журналистики понимают, что...; бел. *У літаратуразнаўстве, псіхалінгвістыцы і культуралогіі вызначана, што...; Арэальная лінгвістыка ўстанавіла, што...; Сацыялагічная тэорыя ў апошні час вылучае такія паняцці...; Гэта добра ведаюць усе аматары і прыхільнікі Мельпамены; Агульная псіхалогія выдзяляе...; Згодна з досведам даследчыкаў старажытнай грэцкай міфалогіі...; Згодна з прагнозамі футуролагаў і сацыёлагаў... и т. п.*

5. Свободно структурированные фразы, содержащие разного рода конкретизаторы, маркирующие прецедентность ЭЗ:

а) номинации ученых, разработанных ими теорий:

7) **Опираясь на известную схему В. С. Степина** и конкретизируя ее применительно к гуманитаристике... (СА2, с. 88);

8) Было б збыткоўным казаць тут пра **навуковую рэвалюцыю ў разуменні Т. Куна...** (ВБДУ, с. 60);

б) название концепций, в т. ч. оценочное:

9) **Знаменитый параллелограмм развития отражает очень важный, но недостаточно осмысленный феномен...** (НПЖ2, с. 21);

10) **На гэтай глебе ствараліся канцэпцыі «Заката Европы» і «Конца історыі»,** якія крызісны стан Захаду выдавалі за гістарычны лёс чалавецтва... (ВНАНБ1, с. 73);

в) всевозможные показатели прямого и косвенного цитирования:

11) **Все большее число лингвистов разделяет мнение, что исключение единиц «больших, чем предложение» из сферы науки о языке отнюдь не идет на пользу** (ВЯ, с. 3);

12) **При этом как-то «забывается», что сама наука часто смотрит на мир взглядом, затуманенным всеми человеческими страстями** (Ф. Бэкон) (НИК1, с. 97);

13) **Паказальна ў гэтым сэнсе сцвярджэнне знакамітага амерыканскага матэматыка М. Клайна аб тым, што развіццё матэматыкі заўсёды мела ў асноўным алагічны характар** (ВНАНБ2, с. 4);

14) **Прымаючы пад увагу ўзаемаабумоўленасць цывілізацыйнага і інфармацыйнага працэсаў, амерыканскі даследчык Д. З. Робертсан нават вылучыў формулу: «Цывілізацыя – гэта інфармацыя»** (ВНАНБ3, с. 6).

Вербальная маркіровка спосабствуе распазнаванню ЭЗ в аргументатывным дыскурсе.

Прыемы ідэнтыфікацыі экспертнага ведавання в гуманітарных тэкстах

В навучна-гуманітарнай дыскурсіўнай практыцы адсуткуе жэсткая карэляцыя межу аргументатывным значэннем вербальнай структуры і сродствам яго выражэння, што затрудняе распазнаванне ўдзельнічаючых в аргументацыі прыёмаў. Вмесце с тым точная ідэнтыфікацыя аргументатывнага рэчэвага дзеяння служыць неабходным умовам адекватнай яго інтэрпрэтацыі і ацэнкі.

В працэсе распазнавання апеляцыі к ЭЗ следуе ўчытваць в першую ачэрэд спосаб языковай рэпрэзентацыі. Как уже было отмечено, описание вербальных показателей «общеизвестной» информации представлено в работах по стилистике научной речи. Для обозначения такого рода языковых единиц используются различные терминологические номинации, в т. ч. «рефлексивные структуры» [16], «дискурсивные маркеры косвенного обращения к адресату» [20, с. 72], «модальные слова общезначимости» [19], «маркеры верифицированного знания» [18]. При этом исследователи «по умолчанию» рассматривают эти языковые структуры как однотипные – указывающие «на источник информации как обобщенный, так и конкретный» [20, с. 73], не углубляясь в содержание оформляемых с их помощью пропозиций.

С лингвоаргументологической точки зрения такой подход представляется упрощенным. Его ограниченность преодолевается дополнением анализа поверхностных речевых структур их когнитивно-дискурсивным измерением. В рамках конвергентной концепции это означает, что при идентификации ЭЗ следует принимать во внимание специфику прагматического поведения аргументативных вербализаторов, проявляющуюся в прагматической полисемии и омонимии [1, с. 137–143]. Полисемантность аргументативных маркеров связывается с их многофункциональностью. Это свойство демонстрируют выражения, относящиеся к группам 1–3 приведенной выше классификации, которые могут указывать

как на экспертные, так и на фоновые знания в составе аргументирующего рассуждения.

Прагматическая омонимия наблюдается в случае, если языковая единица способна употребляться и в качестве конституента аргументации (тезиса либо аргумента), и в составе аргументативного ресурса (комментирующих, уточняющих рассуждений, подкрепляющих обоснование). Любая речевая формула, маркирующая ЭЗ, потенциально омонимична.

Вторым приемом, позволяющим идентифицировать обращение к ЭЗ, служит метатекстовое оформление аргументирующего рассуждения. Необходимо обращать внимание на применяемые в письменном научном дискурсе метаграфические средства [3, с. 26–27]. Ключевую роль здесь играет наличие/отсутствие ссылок на источник ЭЗ и способ графической презентации верифицированных данных. Отсутствие кавычек и ссылок при прямом цитировании дает основание рассматривать вводимые таким образом ЭЗ как ресурс аргументации. Если же указанные метатекстовые средства присутствуют, квалификация ЭЗ неоднозначна.

В таких (спорных) случаях для уточнения аргументативного статуса ЭЗ подключается экстралингвистический контекст, дающий представление о коммуникативной ситуации. Именно контекстуальный анализ, сочетаемый с пропозициональным, позволяет определить степень «известности» («очевидности», «общепринятости») информации, маркируемой стандартными индикаторами ЭЗ. Обратившись к приведенным выше примерам, нетрудно заметить, что при формальном сходстве вербализации выявляются существенные различия в иерархии субъектов ЭЗ: в (3–7, 9) эта роль отводится узким специалистам, в (1, 10, 11, 14) – представителям определенных предметных областей и лишь в (2, 8, 12) – широкому кругу ученых.

Анализ контекста служит необходимым условием адекватной оценки аргументирующих рассуждений, основанных на апелляции к ЭЗ.

Критерии оценки аргументации с использованием экспертного знания в гуманитарном дискурсе

Исходным пунктом тестирования аргументативных высказываний, включаю-

щих ЭЗ, является установление их прагматической роли. Если ЭЗ являются частью регулятивной схемы, связанной с апелляцией к авторитету, то к анализу подключаются критические (проверочные) вопросы, релевантные для данной схемы [1, с. 93–95; 3]. Если ЭЗ вводятся в аргументацию в качестве ресурса, к ним применяется «правило согласования аргументативных полей коммуникантов» [1, с. 211–215].

Развивая конвергентную теорию, мы определяем основные оценочные критерии применения ЭЗ в научной аргументации, а именно: достоверность, высокая степень вероятности присутствия в когнитивном поле реципиента, релевантность, адекватная вербальная маркировка. Соблюдение этих условий обеспечивает эффективность аргументативных действий с использованием ЭЗ. В ситуациях, когда эти условия нарушаются (неосознанно или сознательно), возникают разного рода аргументативные погрешности. В частности, тактически ошибочным признается использование под видом ЭЗ непроверенных либо заведомо недостоверных сведений, а также информации, не являющейся априори бесспорной и общеизвестной.

В компетенцию аргументатора входит прогнозирование «горизонта информированности» адресата, уровня его научной эрудиции. Можно предположить, что завышенные либо заниженные ожидания чреваты коммуникативными неудачами, как, например, в следующих ситуациях:

15) *Известно, что понятие неопределенности впервые введено в физике Эрнестом Гейзенбергом. Вот его социальная интерпретация...* (СА1, с. 88);

16) *Еще одной проблемой... является рост агрессивности в социуме и частоты жестоких преступлений, совершаемых людьми, страдающими теми или иными психическими расстройствами, которые, как известно, в 20 раз чаще прибегают к оружию при решении своих внутренних проблем* (НПЖЗ, с. 14);

17) *Практычна ўсе навуковыя дэфініцыі бачаць у стылі форму праяўлення аўтарства. С. І. Фрэйліх называе стылем задакументаванае ўяўленне рэжысёра* (ВНАНБ1, с. 71);

18) *Навукоўцы-лінгвісты прытрымліваюцца думкі, што тэкст – закончаны*

маўленчы твор, асноўнымі ўласцівасцямі якога з'яўляюцца цэласнасць, звязнасць, інфарматыўнасць, літаратурная апрацаванасць, замацаванасць у пэўнай знакавай сістэме (РС, с. 35).

Уязвимость рассуждений (15–18) в том, что включенные в них якобы верифицированные сведения с большой долей вероятности оказываются за рамками «идеального» субъекта-гуманитария. В (15) нарушается условная внешняя граница ЭЗ: наблюдается выход за пределы гуманитарной области (апелляция в социологической статье к специальным знаниям из области физики) ((13) – аналогичный белорусскоязычный пример). В (16, 17) нарушается внутренняя граница: носитель ЭЗ мыслится пропонентом как «сверхэрудированный», глубоко погруженный в тему (такая ментальная модель субъекта научной аргументации, как показывает наш исследовательский опыт, далека от реальности), что существенно ограничивает круг потенциальных «единомышленников».

Рациональный отклик адресата не гарантирован и в (18). Причина видится в том, что аргументатор недооценивает степень информированности воспринимающего субъекта. Критический анализ с привлечением специальных данных дает основание утверждать, что в (18) имеет место подмена эпистемического модуса высказывания: попытка использовать проблематичное утверждение в качестве ЭЗ («текст» – сложное понятие, не имеющее однозначного определения, поэтому упрощенная его трактовка неоправданна). Показатель обобщенного анонимного авторитета вступает в противоречие с эпистемическим статусом пропозиции, демонстрируя «ложную навигацию» [1, с. 204–207].

В оценке случаев, подобных (15–18), наше мнение совпадает с выводом Т. Б. Радбиля, согласно которому «апелляция в высказывании к неопределенно широкому кругу референтов является одним из явных средств языкового манипулирования» [12, с. 419]. Стандартная маркировка ЭЗ в (15–18), «усыпляя бдительность» реципиента, направляя мышление по инерционному пути, позволяет избежать критики при рассмотрении проблемных вопросов и, таким образом, создать зону комфорта для аргументирующего субъекта. Однако это рис-

кованный прием, который может вызвать незапланированный эффект – спровоцировать недоверие к аргументации и ее автору.

Такой же эффект возможен в случае нерелевантного использования ЭЗ. В гуманитаристике это проявляется, когда ЭЗ вводятся в аргументирующее рассуждение не для обоснования новых научных идей или их объяснения, а с целью самопрезентации. Вот один из характерных примеров:

19) *Можно утверждать, что формат становится фактором выдвижения определенного смысла... «The medium is the message» – известный афоризм Г. М. Маклюэна, сформулированный в 1964 г., точно определяет суть выдвижения за счет канала сообщения в эпоху средств массовой информации* (ВТГУ2, с. 92).

Трактовка фрагмента аргументации воспринимающим субъектом в (19) не столь однозначна, как, вероятно, это представлялось авторам процитированной статьи по лингвистике. Неоптимальный способ репрезентации ЭЗ («известный афоризм» предьявляется без перевода, а вместо ссылки на его источник указывается дата «формулирования»), категоричный и при этом неясный комментарий, сопровождающий ЭЗ, – все это не способствуют пониманию пропонируемого тезиса, а напротив, затемняют его смысл, что приводит к «дистанцированию» от адресата вместо сближения с ним. Подобные ситуации мы, вслед за Г. Г. Хазагеровым, склонны рассматривать как проявления «дисфункции научного дискурса» [13].

Очевидно, что гарантировать эквивалентность аргументативных полей продуцирующего и воспринимающего субъектов научной коммуникации невозможно. При этом закономерно, что действие аргументатора с использованием ЭЗ будет тем эффективнее, чем точнее его прогноз относительно объема тезауруса (информированности) адресата. В случае сомнения разумно перестраховаться ссылкой на источник ЭЗ, чтобы дать возможность проверить их подлинность. Следует также тщательно подходить к выбору приемов вербализации ЭЗ, использовать конкретизирующие кванторные слова (ср. *все – многие, большинство*), уточняющие комментарии, смягчать интенсивность высказываний (ср. *общеизвестно – известно*). Кроме того, важно руководствоваться требованием целесообразности, устанавли-

вающим приоритет не декоративной, а аргументативной функции ЭЗ в дискурсе гуманитарных наук.

Заключение

Использование ЭЗ – верифицированных данных, относящихся к общему интеллектуальному фонду коммуницирующих субъектов, – естественно для русско- и белорусскоязычной гуманитарной научно-аргументативной практики.

Продуктивность демонстрирует лингвоаргументологический подход к исследованию ЭЗ в гуманитаристике, обеспечивающий многоаспектность анализа, в частности сочетание дескриптивного и нормативного измерений в рамках конвергентной теории.

Специфика вводимых в гуманитарный научный дискурс ЭЗ заключается в их внутреннем структурировании (неоднородность субъекта и пропозиции), прагматических вариантах (доказательная и ресурсная функции), устойчивых способах вербализации (пятичленная классификация языковых маркеров).

Опорой для распознавания ЭЗ в гуманитарных текстах служат приемы языкового оформления (с учетом прагматической полисемии и омонимии вербализаторов); метаграфические средства (наличие/отсутствие ссылок на источник ЭЗ и способ графической презентации верифицированных данных); экстралингвистический контекст.

Основными оценочными критериями, позволяющими протестировать научную аргументацию, содержащую ЭЗ, выступают: достоверность, высокая степень вероятности присутствия в когнитивном поле реципиента, релевантность, адекватная вербальная маркировка.

Воспринимающий субъект аргументации руководствуется презумпцией доверия к пропоненту, который, в свою очередь, несет полную ответственность за качество ЭЗ. При компетентном использовании апелляция к ЭЗ рассматривается как эффективный тактический прием, стимулирующий интеллектуальную активность адресата, способствующий кооперативному взаимодействию. В противном случае обращение к ЭЗ приобретает манипулятивный характер, что негативно сказывается на доверии к аргументации и продуцирующему ее субъек-

ту. Воздействующий эффект применения ЭЗ прямо коррелирует со степенью совпадения аргументативных полей участников научной коммуникации.

Полученные выводы формируют теоретическую и практическую основу для совершенствования аргументативной компетенции ученых-гуманитариев и улучшения качества создаваемой ими продукции.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БЛ – Важнік, С. А. Дзеяслоўная мадэль і паэтычная метафара / С. А. Важнік // Беларус. лінгвістыка. – 2001. – Вып. 50. – С. 25–31.

ВБДУ – Бязлепкіна, А. П. Літаратурныя дыскусіі мяжы ХХ–ХХІ стст. у СМІ і Інтэрнэце: нацыянальная спецыфіка / А. П. Бязлепкіна // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2010. – № 4. – С. 60–63.

ВНАНБ1 – Дашук, В. В. Паняцце мастацкага стылю ў дакументальным кіно (на матэрыяле беларускіх неігравых фільмаў) / В. В. Дашук // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2005. – № 3. – С. 70–76.

ВНАНБ2 – Лазарэвіч, А. А. Ад інавацый у навуцы да інавацый у грамадстве / А. А. Лазарэвіч // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2007. – № 1. – С. 4–9.

ВНАНБ3 – Лазарэвіч, А. А. Інфармацыйныя пагрозы сучаснасці / А. А. Лазарэвіч // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2010. – № 1. – С. 5–11.

ВНАНБ4 – Скараходаў, У. П. Узаемадзеянне культуры і дзяржавы / У. П. Скараходаў // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2003. – № 2. – С. 74–79.

ВТГУ1 – Котюрова, М. П. Частицы-дискурсивы в аспекте критичности мышления журналиста / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2020. – № 64. – С. 63–75.

ВТГУ2 – Нефедов, С. Ф. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива / С. Ф. Нефедов, В. Е. Чернявская // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2020. – № 63. – С. 83–97.

ВЯ – Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопр. языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.

НИК1 – Калинина, Г. Н. Паранаука – маргинальное знание или... спор за науку? (в чьи паруса дует ветер века?) / Г. Н. Калинина // Наука. Искусство. Культура. – 2012. – Вып. 1. – С. 93–102.

НИК2 – Селюкова, Т. А. Народная музыка – неотъемлемая часть народного художественного творчества / Т. А. Селюкова, Э. А. Селюков // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – Вып. 5. – С. 57–61.

НПЖ1 – Волкова, Е. Н. Проблемы изучения распространенности и выявления случаев насилия над детьми / Е. Н. Волкова // Нац. психол. журн. – 2007. – № 1 (2). – С. 44–47.

НПЖ2 – Тхостов, А. Ш. Культура и патология: побочные эффекты социализации / А. Ш. Тхостов, К. Г. Сурнов // Нац. психол. журнал. – 2006. – № 1. – С. 20–27.

НПЖ3 – Решетников, М. М. Психологическое здоровье населения – современные тенденции и старые проблемы / М. М. Решетников // Нац. психол. журн. – 2015. – № 1 (17). – С. 9–15.

СА1 – Саенко, Ю. И. Рациональность социальных понятий / Ю. И. Саенко // Социол. альм. – 2014. – Вып. 5. – С. 88–102.

СА2 – Тузова, Т. М. Картина мира и образ человека в структуре обоснования специфики гуманитарного познания / Т. М. Тузова // Социол. альм. – 2010. – Вып. 1. – С. 88–96.

РС – Жаўняровіч, П. Канцэпт публіцыстычнага тэксту / П. Жаўняровіч // Роднае слова. – 2010. – № 4. – С. 35–38.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савчук, Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе / Т. Н. Савчук. – Минск : Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2018. – 279 с.

2. Микешина, Л. А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания / Л. А. Микешина. – Изд. 2-е, доп. – М. : Канон+, 2009. – 560 с.
3. Савчук, Т. Н. Способы рационального усиления аргументации в письменном дискурсе гуманитарных наук (описание и оценка) / Т. Н. Савчук // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. – 2022. – № 1. – С. 16–29.
4. Оганесян, С. Г. Аргументация, ее предметная область и возможности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 09.00.01 / С. Г. Оганесян ; Ерев. гос. ун-т, Ин-т философии и права Нац. акад. наук Респ. Армения. – Ереван, 1997. – 39 с.
5. Алексеев, А. П. Аргументация. Познание. Общение / А. П. Алексеев. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991. – 150 с.
6. Волков, А. А. Теория риторической аргументации / А. А. Волков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Добросвет : КДУ, 2013. – 373 с.
7. Москвин, В. П. О типах и формах аргументации к авторитету / В. П. Москвин // Рус. словесность. – 2007. – № 6. – С. 61–70.
8. Walton, D. Appeal to expert opinion: arguments from authority / D. Walton. – University Park : Pennsylvania State Univ. Press, 1997. – 281 p.
9. Zoppetti, J. P. The value of *topoi* / J. P. Zoppetti // *Argumentation*. – 2006. – Vol. 20, nr 1. – P. 15–28.
10. Савчук, Т. Н. Регулятивная схема аргументации в русско- и белорусскоязычной гуманитаристике / Т. Н. Савчук // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. – 2017. – № 3. – С. 56–64.
11. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе: на материале статей : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 205 л.
12. Радбиль, Т. Б. Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом / Т. Б. Радбиль // Логический анализ языка. Адресация дискурса : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2012. – С. 411–423.
13. Хазагеров, Г. Г. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс / Г. Г. Хазагеров // Социол. журн. – 2010. – № 2. – С. 5–21.
14. Jovičić, T. Authority-based argumentative strategies: a model for their evaluation / T. Jovičić // *Argumentation*. – 2004. – Vol. 18, nr 1. – P. 1–24.
15. Manuti, A. Rhetorical argumentation in Italian academic discourse / A. Manuti, M. Cortini, G. Mininni // *Argumentation*. – 2006. – Vol. 20, nr 1. – P. 101–124.
16. Баженова, Е. А. Рефлективные структуры в научном тексте / Е. А. Баженова // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2002. – Вып. 5. – С. 164–185.
17. Данилевская, Н. В. Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста: аксиологический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Данилевская ; Перм. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – 47 с.
18. Кондратенко, П. И. Коммуникативно-прагматический потенциал высказываний с маркерами верифицированного знания в немецкоязычном лингвистическом дискурсе / П. И. Кондратенко // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Яз. и лит. – 2020. – Т. 17, вып. 2. – С. 254–270.
19. Нефедов, С. Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) / С. Т. Нефедов // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Яз. и лит. – 2017. – Т. 14 – вып. 4. – С. 599–610.
20. Резанова, З. И. Функционирование дискурсивных маркеров в научном тексте: этнокультурные и дискурсивные детерминации / З. И. Резанова, С. В. Когут // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2016. – № 1 (39). – С. 62–79.

REFERENCES

1. Savchuk, T. N. Argumentacija v rusko- i bieloruskojazychnom nauchno-gumanitarnom diskursie / T. N. Savchuk. – Minsk : Izd. centr Belorus. gos. un-ta, 2018. – 279 s.
2. Mikieshina, L. A. Filosofija poznaniya. Problemy epistemologii humanitarnogo znaniya / L. A. Mikieshina. – Izd. 2-je, dop. – M. : Kanon+, 2009. – 560 s.

3. Savchuk, T. N. Sposoby racional'nogo usilienija argumentacii v pis'miennom diskursie humanitarnykh nauk (opisanije i ocenka) / T. N. Savchuk // Zhurn. Bielorus. gos. un-ta. Filologija. – 2022. – № 1. – S. 16–29.
4. Oganiesian, S. G. Argumentacija, jejo predmetnaja oblast' i vozmozhnosti : avtorief. dis. ... d-ra filol. nauk : 09.00.01 / S. G. Oganiesian ; Jeriev. gos. un-t, In-t filosofii i prava Nac. akad. nauk Rieszp. Armenija. – Jerievan, 1997. – 39 s.
5. Alieksiejev, A. P. Argumentacija. Poznaniye. Obshchienije / A. P. Alieksiejev. – M. : Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1991. – 150 s.
6. Volkov, A. A. Tiejorija ritorichieskoj argumentacii / A. A. Volkov. – 2-je izd., ispr. i dop. – M. : Dobrosviet : KDU, 2013. – 373 s.
7. Moskvina, V. P. O tipakh i formakh argumentacii k avtoritetu / V. P. Moskvina // Rus. slovesnost'. – 2007. – № 6. – S. 61–70.
8. Walton, D. Appeal to expert opinion: arguments from authority / D. Walton. – University Park : Pennsylvania State Univ. Press, 1997. – 281 p.
9. Zompatti, J. P. The value of topoi / J. P. Zompatti // Argumentation. – 2006. – Vol. 20, nr 1. – P. 15–28.
10. Savchuk, T. N. Rieguliativnaja skhiema argumentacii v russko- i bieloruskojazychnoj humanitaristiki / T. N. Savchuk // Zhurn. Bielorus. gos. un-ta. Filologija. – 2017. – № 3. – S. 56–64.
11. Mikhajlova, Ye. V. Intertiekstual'nost' v nauchnom diskursie: na materialie statiej : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / Ye. V. Mikhajlova. – Volgograd, 1999. – 205 l.
12. Radbil', T. B. Mietajazykovej kommientarij kak sriedstvo manipuliacii adriesatom / T. B. Radbil' // Logichieskij analiz jazyka. Adriesacija diskursa : sb. st. / Ros. akad. nauk, In-t jazykoznanija ; otv. ried. N. D. Arutiunova. – M., 2012. – S. 411–423.
13. Khazagierov, G. G. Obiessmyslivaniye nauchnogo diskursa kak objektivnyj process / G. G. Khazagierov // Sociol. zhurn. – 2010. – № 2. – S. 5–21.
14. Jovičič, T. Authority-based argumentative strategies: a model for their evaluation / T. Jovičič // Argumentation. – 2004. – Vol. 18, № 1. – P. 1–24.
15. Manuti, A. Rhetorical argumentation in Italian academic discourse / A. Manuti, M. Cortini, G. Mininni // Argumentation. – 2006. – Vol. 20, № 1. – P. 101–124.
16. Bazhenova, Ye. A. Riefliksivnyje struktury v nauchnom tiekstie / Ye. A. Bazhenova // Stierieotipnost' i tvorčiestvo v tiekstie : miezhvuz. sb. nauch. tr. / Pierm. gos. un-t. – Pierm', 2002. – Vyp. 5. – S. 164–185.
17. Danilievskaja, N. V. Chieriedovanije starogo i novogo znanija kak miekhanizm razviortyvaniya nauchnogo tieksta: aksiologichieskij aspjeekt : avtorief. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01 / N. V. Danilievskaja ; Pierm. gos. un-t. – Jekatierinburg, 2006. – 47 s.
18. Kondratienko, P. I. Kommunikativno-pragmaticieskij potencial vyskazyvanij s markierami vierificirovannogo znanija v niemieckojazychnom lingvistichieskom diskursie / P. I. Kondratienko // Viestn. S.-Pietierb. un-ta. Jaz. i lit. – 2020. – T. 17, vyp. 2. – S. 254–270.
19. Niefiodov, S. T. Riestriktivnaja argumentacija: modal'nyje slova somnienija i obshchieznachimosti (na materialie niemieckojazychnykh lingvistichieskikh statiej) / S. T. Niefiodov // Viestn. S.-Pietierb. un-ta. Jaz. i lit. – 2017. – T. 14, vyp. 4. – S. 599–610.
20. Riezanova, Z. I. Funkcionirovanije diskursivnykh markierov v nauchnom tiekstie: etnokul'turnyje i diskursivnyje determinacii / Z. I. Riezanova, S. V. Kogut // Viestn. Tom. gos. un-ta. Filologija. – 2016. – № 1 (39). – S. 62–79.